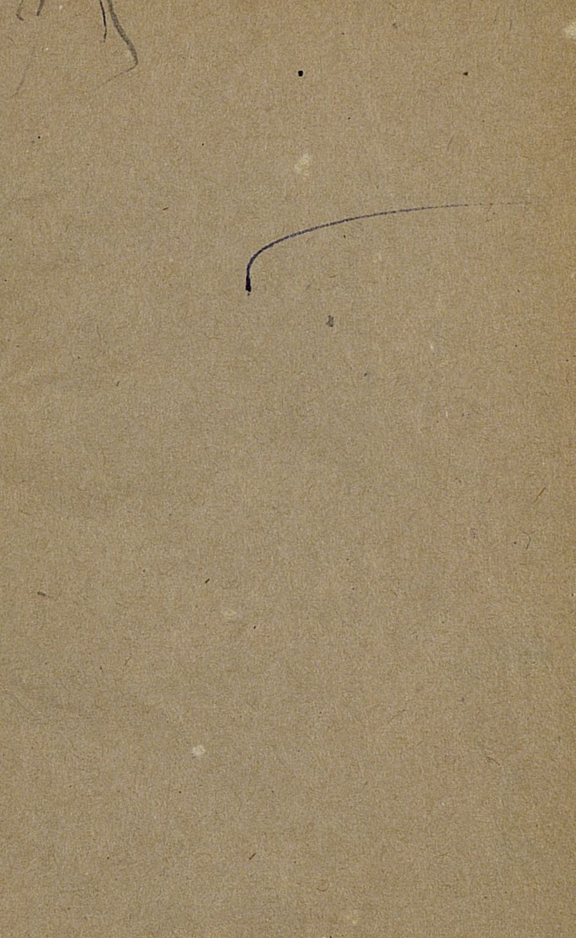
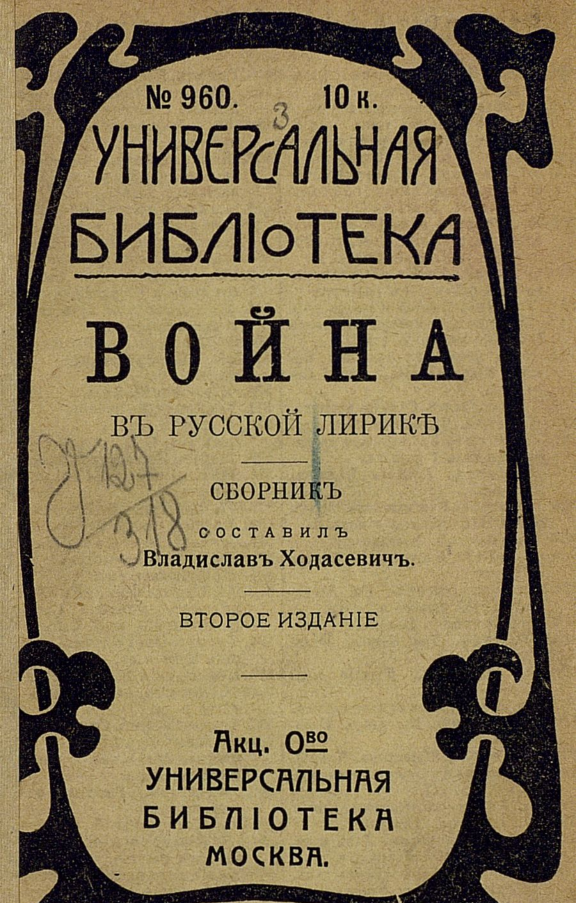
Вл. Ходасевич.

Война
в русск. лирике

26/5 - 82

№ 960. 10 к.
УНИВЕРСАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ВОЙНА
ВЪ РУССКОЙ ЛИРИКѢ
СБОРНИКЪ
СОСТАВИЛЪ
Владиславъ Ходасевичъ.
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
Акц. О-во
УНИВЕРСАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
МОСКВА.

Универсальная библіотека. Цѣна номера 10 коп.

501. **Толстой.** Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ и работникъ.
502. **Толстой.** Крейцерова соната.
503. **Толстой.** Власть тьмы.
504. **Толстой.** Плоды просвѣщенія.
505. **Толстой.** Корней Васильевъ.
506-507. **Къ волѣ.** Крѣпостное право въ народной поэзіи. Сборникъ. Сост. Н. Л. Бродскій.
508-509. **Рабство и воля.** Крѣпост. право въ рус. лит. Сост. И. Розановъ и Н. Сидоровъ.
510. **Толстой.** Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ и др. разсказы.
511. **Толстой.** Первый винокуръ и др.
512-513. **Гоголь.** Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. I и II.
514. **Карамзинъ.** Бѣдная Лиза, Наталья боярская дочь, Мароа Посадница.
515-516. **Аксаковъ.** Семейн. хроника.
517. **Толстой.** Чѣмъ люди живы и др.
518. **Пушкинъ.** Капитанская дочка. Исторія села Горюхина.
519. **Пушкинъ.** Повѣсти Бѣлкина. Дубровскій.
520. **Пушкинъ.** Пиковая дама. Арапъ Петра Вел. Египетскія ночи.
521-524. **Толстой.** Воскресеніе.
525-526, 527-529. **Бѣлинскій.** Статьи о Пушкинѣ.
530-531. **Лермонтовъ.** Кн. Лиговская. Герой нашего времени.
532. **Лермонтовъ.** Вадимъ.
533. **Толстой.** Три смерти. Поликушка.
534-536. **Аксаковъ.** Дѣтскіе годы Багрова-внука.
537. **Воейковъ.** Домъ сумасшедшихъ.
538. **Фонвизинъ.** Бригадиръ. Недоросль.
539-540. **Гоголь.** Миргородъ. Ч. I и II.
541-543. **Квитка - Основъяненко.** Панъ Халявскій.
544-545. **Аксаковъ.** Воспоминанія.
546,547. **Толстой.** Для дѣтей.
548. **Сологубъ.** Отрокъ Линъ и др.
549. **Толстой.** Живой трупъ и др.
550. **Сологубъ.** Маленькій человѣкъ.
551. **Никитинъ.** Дневн. семинариста.
552. **Никитинъ.** Кулакъ.
553. **Никитинъ.** Избранныя стихотворенія и біографія.
554. **Гоголь.** Портретъ. Носъ. Шинель.
555. **Гоголь.** Невскій проспектъ. Записки сумасшедшаго. Римъ.
556-557. **Добролюбовъ.** Темное царство.
558. **Добролюбовъ.** Что такое Обломовщина? Когда же придетъ настоящій день?
559. **Думы и пѣсни.** Сборникъ стихотвореній новыхъ поэтовъ. Составила Анс. Чеботаревская.
560-561. **Никитинъ.** Стихотворенія.
562-563. **Ломоносовъ.** Избранныя сочиненія и біографія.
564. **Добролюбовъ.** Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.
565-567. **Загоскинъ.** Рославлевъ.
568-569. **Погорѣльскій.** Монастырка.
570. **Жуковскій.** Наль и Дамаянти.
571. **Жуковскій.** Рустемъ и Зорабъ.
572. **Слово о полку Игоревѣ.** Подъ ред. С. К. Шамбинаго.
573. **Маркъ Криницкій.** Пошлость.
574. **Пѣсни каторги.** Собр. В. Гартевельдъ.
575-577. **Нарѣжный.** Бурсакъ.
578. **Богдановичъ.** Душенька.
579. **Ленскій.** Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. **Мей.** Царская невѣста.
581. **Мей.** Псковитянка.
582-583. **Отечественная война въ русской поэзіи.** Составили Н. Бродскій и Н. Сидоровъ.
584. **Гусевъ-Оренбургскій.** Капитанъ Кукъ и др.
585. **Ковальскій.** Жизнь—мгновенье.
586. **Сологубъ.** Опечаленная невѣста и др.
587. **Толстой.** Отецъ Сергій. Дьяволъ.
588-589. **Комическая опера XVIII вѣка:** Аблесимовъ, Княжнинъ Плавильщиковъ.
590. **Андреевъ.** Разсказъ о семи повѣшенныхъ.
591-592. **Помяловскій.** Молотовъ.
593-594. **Помяловскій.** Вуколъ. Мѣщанское счастье.
595-596. **Помяловскій.** Очерки бурсы.
597-599. **Русская лирика.** Сборникъ. Составилъ Вл. Ходасевичъ.
600. **Грибоѣдовъ.** Горе отъ ума. Подъ ред. Н. К. Пиксанова.

ВОЙНА

въ

РУССКОЙ ЛИРИКѢ.

СБОРНИКЪ

СОСТАВИЛЪ

Владиславъ Ходасевичъ.

Акціонерное Общество
„УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА"
МОСКВА.

Типогр. и цинкогр. Т./д. «МЫСЛЬ». Петровка, 17.
МОСКВА.—1915.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

«Теперь тебѣ не до стиховъ, о слово русское, родное!» воскликнулъ Тютчевъ, во дни войны 1854 года. Онъ былъ правъ, но не до конца. Когда шумитъ бой, невольно мы прислушиваемся напряженнѣй къ его далекимъ раскатамъ, нежели къ мирному «голосу лиръ». Однако, любовь къ поэзіи, одно изъ прекраснѣйшихъ движеній человѣческаго сердца, никогда не замираетъ вполнѣ. Въ форму стиховъ облекаемъ мы лучшія и напряженнѣйшія свои чувства, къ книгамъ поэтовъ обращаемся въ самыя тяжелыя и самыя счастливыя минуты жизни. О томъ, что теперь слову русскому «не до стиховъ», самъ Тютчевъ сказалъ стихами. Окончательно не до стиховъ многимъ изъ насъ не бываетъ никогда.

Сейчасъ Россія подняла мечъ въ защиту свободы и культуры. Мы воюемъ во имя мира. Всѣ помыслы наши сейчасъ тамъ, гдѣ рѣшаются великія судьбы человѣчества и маленькія, но безконечно драгоцѣнныя для насъ судьбы нашихъ родныхъ и близкихъ и нашихъ благородныхъ союзниковъ. Что же удивительнаго, если мысленно присутствуя тамъ, на поляхъ сраженій, мы беремъ съ полки книгу стиховъ

и въ ней тоже ищемъ отголосковъ того, что томитъ насъ неодолимо?

Такъ и составилась эта маленькая книжка. Въ нее мы включили лучшіе на нашъ взглядъ стихи о войнѣ, написанные русскими поэтами съ того часа, какъ раздался голосъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ». Здѣсь собрано не то, что создано было на темы политическія, связанныя съ войнами, для насъ уже миновавшими, а по возможности—стихи о самомъ процессѣ войны, о ея прекрасномъ и отвратительномъ образѣ, и о чувствахъ, ей возбуждаемыхъ. Но и при этомъ въ области описательной мы брали лишь то, что относится къ войнамъ, разразившимся при жизни авторовъ: въ настоящую минуту насъ болѣе привлекаетъ свидѣтельство современника, нежели воображеніе художника. Исключеніе сдѣлано только для лермонтовскаго «Бородина»: надѣемся, это не нуждается въ поясненіяхъ.

Сейчасъ не время судить, какъ исполнили мы нашу задачу съ точки зрѣнія чисто-литературной. Быть можетъ, этотъ небольшой трудъ страдаетъ неполнотой и другими промахами. Зато онъ намъ представляется въ высшей степени своевременнымъ—и въ томъ его оправданіе.

В. Х.

1914, августъ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ

Пѣвецъ.

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами:
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! Руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Воины.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ;

Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ;
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами...
О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлинный...
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца—снѣдь мечей,
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о, хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! Твой конь и всадникъ палъ
Твой слѣдъ—костей громады;
Бѣги! И стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ;

Отчизны врагъ сопутникъ твой;
  Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
  Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
  Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
  Шумящимъ, смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
  Взлетѣли тѣни съ воемъ;
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
  Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ...
О горе! горе, супостатъ!
  То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ.
  Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
  Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится вашъ побѣдный строй
  Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
  Погибель надъ врагами;
Наполнимъ кубокъ! мечь во длань!
  Внимай намъ, вѣчный Мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
  И казнь тебѣ, губитель!

Воины.

Наполнимъ кубокъ! мечь во длань!
  Внимай намъ, вѣчный мститель!

За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Пѣвецъ.

Отчизнѣ кубкъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ!
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Тамъ все—тамъ родшихъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный.
И царскій тронъ, и прахъ царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Воины.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!

Пѣвецъ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О, царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ
Къ тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный!

Воины.

Не измѣнимъ! мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью!
О, царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ!
Къ тебѣ горимъ любовью!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть, все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,

Терпимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость, бранныхъ красота
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стязею правой!
Опасность твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами!
Онъ свой послѣднiй видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами
О, сколь съ израненымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ:
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво! Се орелъ пронзилъ

Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура!—кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! Не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны!... въ россахъ вся она!
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье!

Хвала сподвижникамъ-вождямъ;
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ—твои перуны!
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла,
Съ губительною дланью.

Нашъ Виттгенштеинъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,

Хвала!.. Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье!

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,

Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ.
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

Хвала нашъ Несторъ-Беннигсонъ!
И вождь, и мужъ совѣта
Блюдетъ враговъ, не дремля, онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Баговутъ среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!

Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О, други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
Къ постели пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный

Ему возглавье—бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
«Друзья, бѣдамъ презрѣнье!»
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о, витязь нашъ, воспрянь!
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О, витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы..
Любви и скорби—оживитъ
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.

Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впреди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгановъ, хвала!

Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый..
О, храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ,
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй, въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ:
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ!
Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,

Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ.
И устланъ путь врагами

Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.
Кудашевъ—скокомъ черезъ ровъ
И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышевъ
На мечъ, и громъ дружину;
Орловъ—отважностью орелъ;
И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
Въ среду враговъ Кайсаровъ.

Воины.

Вожди славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье;
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!

Пѣвецъ.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья

Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила,
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери угасъ
Герой нашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы!—онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ, какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ,
Одушевлялись струны...
О, горе! Вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И тихій духъ твой прилетитъ
Изъ таинственной сѣни,
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.

И ты... и ты, Багратіонъ?
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ
«Увы, намъ! Скоро грянетъ».
А онъ навѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ-Суворовъ!

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять

И позднихъ лѣтъ бесѣды.
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Воины.

При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть!—нашъ роковой
Обѣтъ предъ богомъ брани.
Вотще, о, врагъ, изъ тьмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ
И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ:
Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села—въ пепелъ! грады—въ прахъ!
Въ мечи—серпы и плуги!

Злодѣй, онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ

Съ кремлевскія вершины.
«Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
Пойду!.. и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!»
Пришелъ... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
Вспылала предъ врагами
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами.

Веди жъ своихъ царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада...
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ запертъ путь возвратный:
Пустыни въ пеплѣ позади,
Передъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Воины.

Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей;
За правыхъ Провидѣнье!

Пѣвецъ.

Святому братству сей фіалъ,
Отъ вѣрныхъ братій круга!

Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
Второе Провидѣнье.
О, будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами;
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

Воины.

О, будь же, други, святость узъ
Законъ нашъ подъ шатрами!
Написанъ кровью нашъ союзъ:
И жить и пасть друзьями.

Пѣвецъ

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ:
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ:
Нѣтъ страха; нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?

Ахъ, мысль о той, кто все для насъ,
  Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
  Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
  Она въ тылу сраженья;
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
  Веселыхъ сновидѣнья.
Отвѣдай, врагъ, исторгнуть щитъ,
  Рукою данный милой;
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
  Твоя и за могилой!

О, сладость тайныя мечты!
  Тамъ, тамъ за синей далью,
Твой ангелъ, дѣва красоты,
  Одна съ своей печалью,
Грустить, о другѣ слезы льетъ:
  Душа ея въ молитвѣ,
Боится вѣсти, вѣсти ждетъ:
  «Увы! не палъ ли въ битвѣ?»
И мыслитъ: «скоро ль, дружній гласъ,
  Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданья часъ,
  Смѣнить тоску разлуки!»

Друзья! блаженнѣйшая часть
  Любезныхъ быть спасеньемъ!
Когда жъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть,
  Погибнемъ съ наслажденьемъ!
Святое имя призовемъ

Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки;
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ.
Есть жизнь и за могилой!

Воины.

Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой...
О, други, смерть не все возьметъ:
Есть жизнь и за могилой!

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры—старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы:
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы сотрудники вождямъ;
Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

О, радость древнихъ лѣтъ, Боянъ!
Ты, арфой ополченный,
Леталъ предъ строями славянъ

И гимнъ гремѣлъ священный.
Петру возникъ среди снѣговъ
Пѣвецъ—податель славы;
Честь Задунайскому Петровъ!
О, Камскія дубравы,
Гордитесь! Вашъ Державинъ сынъ!
Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинъ—
Державинъ грянетъ въ струны

О, старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый:
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины;
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками—
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами.
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье;
Самимъ губителя рабамъ
Побѣды ихъ спасенье.

Такъ, братья, чадамъ музъ хвала!..
Но я, пѣвецъ вашъ юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучныя мнѣ струны?
Досель тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира...
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,

И отчій край, и кругъ друзей,
 И трудъ уединеный,
И все... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
 Гдѣ ужасы военны!

Но буду ль ваши пѣть дѣла
 И хищныхъ истребленье?
Быть можетъ, ждетъ меня стрѣла,
 И мнѣ удѣлъ—паденье.
Но что жъ... навѣки ль смертный часъ
 Мой слѣдъ изгладитъ въ мірѣ?
Останется привычный гласъ
 Въ осиротѣвшей лирѣ.
Пускай губителя во прахъ
 Низвергнетъ месть кровава—
Родится жизнь въ ея струнахъ,
 И звучно грянутъ: слава!

Воины.

Хвала возвышенымъ пѣвцамъ!
 Ихъ пѣсни жизнь побѣдамъ;
И внуки, внемля ихъ струнамъ
 Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.

Пѣвецъ.

Подымемъ чашу!... Богу силъ!
 О, братья, на колѣна!
Онъ искони благословилъ
 Славянскія знамена
Бессильнымъ щитъ Его законъ,
 И гибнущимъ спаситель;

Всегда союзникъ правыхъ Онъ
И гордыхъ истребитель.
О, братья, взоры къ небесамъ'
Тамъ жизни сей награда!
Оттоль Отецъ незримый намъ
Гласитъ: мужайтесь, чада!

Безсмертье, тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь—къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
Блаженъ, кого постигнулъ бой!
Пусть долго, съ жизнью хилой
Старикъ трепещущей ногой
Влачится надъ могилой;
Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
И, бодръ, на молнійныхъ крылахъ
Въ міръ лучшій улетаетъ.

А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Что бъ ни было—Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ—простота;
Нежадность—въ наслажденьѣ;

Въ союзѣ съ ровнымъ—правота;
Въ могуществѣ—смиренье.

Обѣтамъ—вѣчность; чести—честь·
Покорность—правой власти;
Для дружбы—все, что въ мірѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань;
Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствіе—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье.

О, будь же, Русскій Богъ, намъ щитъ!
Прострешь Твою десницу—
И мститель-громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицомъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами...
О, страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земли имъ мало;
И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!»

Воины.

Речетъ пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земли имъ мало;

И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
Протекъ—враговъ не стало!»

Пѣвецъ.

Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
Ужъ утро возвѣщаетъ;
Уже восточная звѣзда
Надъ холмами играетъ;
Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
Проглянули равнины,
И дальній лѣсъ, и тихій станъ,
И спящія дружины.
О, други, скоро!... день грядетъ..
Недвижны рати бурны...
Но... рокъ ужъ жребіи беретъ
Изъ таинственной урны.

О, новый день, когда твой свѣтъ
Исчезнетъ за холмами,
Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!..
И онъ блеснулъ!.. Чу!.. вѣстовой
Перунъ по холмамъ грянулъ;
Внимайте: въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите: станъ воспрянулъ!
И кони ржутъ, грызя бразды;
И строй сомкнулся съ строемъ;
И вождь летитъ передъ ряды;
И пышетъ ратникъ боемъ.

Друзья, прощанью кубокъ сей!
И смѣло въ бой кровавой

Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
  За смертью иль за славой...
О вы, которыхъ и вдали
  Боготворимъ сердцами,
Вамъ, вамъ всѣ блага на земли!..
  Щитъ Промысла надъ вами!...
Всевышній Царь, благослови!
  А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
  Тамъ сладкаго свиданья!

Воины.

Всевышній Царь, благослови!
  А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь* вѣрныя любви,
  Тамъ сладкаго свиданья!

1812.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

Посланіе къ Дашкову.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ бѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ:
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ.
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной.
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,

Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести

За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь. и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

Поминки по Бородинской битвѣ.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.

Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой;
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.

Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ къ ногамъ коня.

И, сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.

«Богъ мой!»—онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:
«Насъ завидѣлъ непріятель
И спѣшитъ намъ честь отдать».

И Кутузовъ предо мною,
Вспомню-ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.

Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.

Старца бодрый видъ воинственъ,
Онъ средь полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.

На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось.

Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь пальбу, огонь и шумъ

Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ,

Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.

А его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.

День насталъ. Мы ждали битвы.
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Пріунывшихъ усачей.

И на пиръ веселый словно
Каждый радостно летитъ:
Будь у каждаго три жизни—
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ

Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой;
Изъ орудій адъ чугунный,
Разразившись, поднялъ вой.

Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ;
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.

Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;

Грудью въ грудь схватились обѣ,
Чтобъ противника попрать.

Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ;
Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.

Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она;
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.

Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славься битвой исполинской,
Славься ввѣкъ, Бородино!

КОНДРАТІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ РЫЛѢЕВЪ.

Партизаны.

Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ
Отрядъ наѣздниковъ сидитъ.
Окрестность вся въ сѣдомъ туманѣ;
Кругомъ осенній вѣтръ шумитъ;
На тусклый мѣсяцъ набѣгаютъ
Порой густыя облака;
Надулась черная рѣка,
И молніи вдали сверкаютъ.

Плащи навѣшаны шатромъ
На пикахъ, вглубь земли вонзенныхъ;
Биваки въ сумракѣ ночномъ
Вокругъ костровъ воспламененныхъ...
Средь нихъ толпами удальцы:
Ахтырцы, бугцы и донцы

Пируютъ всадники лихіе,
Свершивъ отчаянный набѣгъ
Заботы трудны боевыя,
Но веселъ шумный ихъ ночлегъ.

Живой бесѣдой сокращают
Они другъ другу часъ ночной;
Дѣла вождей страны родной
Воспоминаньемъ оживляютъ
И лѣсъ угрюмый и густой
Веселымъ пѣньемъ пробуждаютъ.

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.

Бурцову.

Въ дымномъ полѣ, на бивакѣ,
У пылающихъ огней,
Въ благодѣтельномъ аракѣ
Зрю спасителя людей.
Собирайся въ круговую,
Православный весь причетъ!
Подавай лахань златую,
Гдѣ веселіе живетъ!
Наливай обширны чаши
Въ шумѣ радостныхъ рѣчей,
Какъ пивали предки наши
Среди копій и мечей.
Бурцовъ! ты, гусаръ гусаровъ,
Ты—на ухарскомъ конѣ,
Жесточайшій изъ угаровъ
И наѣздникъ на войнѣ—
Стукнемъ чашу съ чашой дружно!
Нынче пить еще досужно.
Завтра трубы затрубятъ,
Завтра громы загремятъ.

Выпьемъ же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шагъ уступимъ—поблѣднѣемъ,
Пожалѣемъ нашу грудь
И въ несчастьи оробѣемъ.
Если мы когда дадимъ
Лѣвый бокъ на фланкировкѣ,
Или лошадь осадимъ—
Или миленькой плутовкѣ
Даромъ сердце подаримъ!
Пусть не сабельнымъ ударомъ
Пресѣчется жизнь моя!
Пусть я буду генераломъ,
Какихъ много видѣлъ я!
Пусть среди кровавыхъ боевъ
Буду блѣденъ, боязливъ,
А въ собраніи героевъ—
Остръ, отваженъ, говорливъ!
Пусть мой усъ—краса природы—
Чернобурый въ завиткахъ,
Изсѣчется въ юны годы
И исчезнетъ, яко прахъ!
Пусть фортуна для досады,
Къ умноженію всѣхъ бѣдъ,
Дастъ мнѣ чинъ за вахтпарады,
Иль Георгій за совѣтъ.
Пусть.. Но чу!—гулять не время?
Къ конямъ, братъ, и ногу въ стремя,
Саблю вонъ и въ сѣчу!—Вотъ
Пиръ иной намъ Богъ даетъ.

Пиръ задорнѣй, удалѣе,
И шумнѣй и веселѣе...
Путка—киверъ на бекрень
И—ура!—счастливый день!

Пѣсня

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской—
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!

За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!
Пусть французишки гнилые
Къ намъ пожалуютъ назадъ!
За тебя на чорта радъ
Наша матушка Россія'

Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами;
Днемъ—рубиться молодцами,
Вечеркомъ—горѣлку пить!
Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами!

О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ,

Ждать конца подъ балдахиномъ
И всечасно умирать!
О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ!

То ли дѣло средь мечей—
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
Смерти въ когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дѣло средь мечей—
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской—
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!

Партизанъ.

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.
И мчится тайною тропой
Воспрянувшій съ долины битвы

Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ;
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.
Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ—вольны боги!
Давно незнаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный;
Его любовь—кровавый бой,
Родня—донцы, другъ—конь надежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника приноситъ,
То чутко шевелитъ ушьми,
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.
Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высяхъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара—
Но скоро буйный рой за высь перекатилъ
И скоро слѣдъ его простылъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

* *
*

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ, свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

Война.

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей.
И въ роковомъ огнѣ сраженій,
Паденье ратныхъ и вождей!

Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній
Все ново будетъ мнѣ: простая тѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата, и друзей
И мыслей творческихъ напрасное волненье
И ты, и ты, любовь?.. Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы;
Покой бѣжитъ меня, нѣтъ власти надъ собой.
И тягостная лѣнь душою овладѣла....
Что жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что жъ битва первая еще не закипѣла?...

Золото и булатъ

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ,
Все куплю, сказало злато,
Все возьму, сказалъ булатъ

Делибашъ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ:
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ *лавѣ!*
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

БАР. АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ ДЕЛЬВИГЪ.

Отставной солдатъ

(Русская идиллія).

Солдатъ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Пастухи.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

Солдатъ.

Быть такъ
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! Рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

1-ый пастухъ.

А идешь откуда?

Солдатъ.

А изъ Литвы, изъ Виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки-Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ—я
На первой заграничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лекаря и тѣмъ и сѣмъ лечили,
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

2-ой пастухъ.

На руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложись.

Солдатъ.

Спасибо, другъ, Господь тебѣ заплатитъ!—
Ахъ, братцы! что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ, словно чудомъ
Помолодѣлъ я, вволю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я!
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ русска генеральша,—
И дорого и чудно, да не мило,

Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ
дышишь,
Здѣсь всѣ суставички въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,
Здѣсь нѣжишься, какъ въ банѣ старыхъ баръ!
И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

5-ій пастухъ.

И мы-бъ, землякъ, играть не отказались!
Да лихъ нельзя! Село далеко! Стадо-жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь!
Какъ быть! Но вотъ и кашица поспѣла!
Перекрестяся, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
Я, чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ:
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ крй земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

Солдатъ.

Вздоръ мелешь, малый! Уши вянутъ! Полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ

Представиться? Да нынѣ-жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса! Нѣтъ! другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали-ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ
А вражьими ватагами покрытой—
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день, да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли,
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли же. На дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья:
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ.—Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда-бъ не лица ихъ и не молчанье,

Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой, тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя, другой
Ея копыто гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

Пастухи

Ухъ! страшно, страшно!

Солдатъ.

А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ; отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-ый пастухъ.

Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей;
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

Солдатъ.

Помоги
Мнѣ встать: солдату вытянуться надо...

Офицеръ (подъѣхавъ)

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

Солдатъ.

Въ минуту, ваше благородье.

Офицеръ.

Ба?
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдатъ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье!
За рану въ чистую уволенъ!

Офицеръ.

Съ Богомъ!
Снеси-жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ русскіе отмстили честно
Пожаръ московскій! Ну, прости товарищъ!

Солдатъ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!
(Офицеръ уѣзжаетъ).
Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и во вѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку—Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются-ль предъ нами явно!

ЕВГЕНІЙ АБРАМОВИЧЪ БОРАТЫНСКІЙ.

Смерть Багговута.

Взвѣваетъ вѣтръ среди рядовъ
Знамена Марса и Беллоны;
Кипитъ къ отечеству любовь,
Текутъ безстрашныя колонны
Вездѣ сражаетъ супостатъ
Рукою грознаго Арея;
Загрохотала батарея.—
И трупы хладные лежатъ.
Смерть рыщетъ въ вражескихъ рядахъ.
Пируетъ яростное мщенье;
Летаетъ гибель—и въ сердцахъ
Кипитъ безтрепетное рвенье.
Орудья грозныя ревутъ...
Чу!.. вѣсть ужасная несется,
Изъ ряда въ рядъ передается:
Ты палъ, безстрашный Багговутъ!
Ты палъ, безтрепетный герой!
Напрасны теплыя моленья...
Не поведешь ужъ за собой
Дружины храбрыхъ въ пылъ сраженья.

Средп своихъ великихъ дѣлъ
Ты честь всего дороже ставилъ,
Ты имя русское прославилъ,—
Тебѣ бэсмертіе въ удѣлъ.
И въ океанѣ жизни сей
Вѣкъ будетъ жить твой подвигъ громкій;
Его со славою твоей
Узнаютъ поздніе потомки.
Хвала!.. ты съ честью въ полѣ палъ,
Неся ужасной битвѣ дани—
И смертію въ кровавой брани
Потомству славу завѣщалъ.

———

Николай Михайловичъ Языковъ.

А. Н. Вульфу.

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношескій жаръ,
Сердечный гласъ вражды и мести
И неизбѣжный твой ударъ;
За Русь, товарищъ, за свободу
Эллады пламенныхъ сыновъ,
На громъ бойницъ, въ огонь и въ воду
Пойдешь ты силенъ и суровъ!

Блаженъ, кто гнѣвомъ упоенный,
Гулялъ на праздникѣ мечей,
И вырвалъ дланью вдохновенной
Побѣду родинѣ своей.
Свѣтла кончина боевая;
Блаженъ, кто очи затворилъ,
Послѣднимъ взоромъ провожая
Побѣгъ и казнь противныхъ силъ!

Уже зардѣлась величаво
Высокихъ подвиговъ заря,

Шумятъ Суворовскою славой
Знамена русскаго царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнятъ наши торжества,
Пожаръ Чесмы, чугунъ Кагула
И Руси грозныя права!
Дай руку мнѣ: во дни былые,
Въ кругу внимательныхъ друзей,
Я воспѣвалъ пиры лихіе
Кипучей младости твоей:
Я стану пѣть твои побѣды,
Восторгомъ веселъ боевымъ
И бурной юности бесѣды,
Наполню именемъ твоимъ!

Военная пѣсня.

(Посвящается князю И. А. Вяземскому).

Затрубили трубы бранныя,
Собралася рать могучая,
Стала грудью противъ недруга—
За царя, за кровъ, за родину.

Ты прости теперь, отецъ и мать,
Ты прости теперь, мой милый другъ,
Ты прости теперь, и степь, и лѣсъ!
Дорогая жизнь—весь бѣлый свѣтъ...

Гей, товарищъ мой, желѣзный штыкъ!
Послужи-жъ ты мнѣ по-старому:
Какъ служилъ ты при Суворовѣ,
Силачу-отцу, дѣду-воину.

Гей, сестра, ты—сабля острая!
Попируемъ мы у недруга,
Погуляемъ, съ нимъ потѣшимся,
Выпьемъ браги бусурманскія!..

Ужъ когда мнѣ, добру молодцу,
Присудилъ Богъ сложить голову,—
Не на землю-жъ я сложу ее!
А сложить-сложу—на груду тѣлъ...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мнѣ.
Въ груди сердце богатырское
Закипѣло, расходилося!

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

**
*

Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой,
 Когда хоронили мы друга;
Лишь попъ полковой бормоталъ—и порой
 Ревѣла осенняя вьюга.
Кругомъ кивера, надъ могилой святой
 Недвижны, въ туманѣ сверкали,
Уланская шапка да мечъ боевой
 На гробѣ досчатомъ лежали.
И билося сердце въ груди не одно,
 И въ землю всѣ очи смотрѣли,
Какъ будто-бы все, что ужъ ей отдано
 Они у ней вырвать хотѣли.
Напрасныя слезы изъ глазъ не текли:
 Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
 Упавши на гробъ, застучала.
Прощай нашъ товарищъ, не долго ты жилъ-
 Пѣвецъ съ голубыми очами,
Лишь крестъ деревянный себѣ заслужилъ,
 Да вѣчную память межъ нами.

Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

—Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки

И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою!
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картели!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта
Какъ ликовалъ французъ
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ, весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:

Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..

Земля тряслась, какъ наши груди
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Валерикъ

Я къ вамъ пишу случайно,—право,
Не знаю какъ и для чего:
Я потерялъ ужъ это право,
И что скажу вамъ?—Ничего!..
Что помню васъ?.. Но Боже правый!
Вы это знаете давно.
И вамъ, конечно, все равно
И знать вамъ также нѣту нужды—
Гдѣ я, что я, въ какой глуши?

Душою мы другъ другу чужды...
Да врядъ ли есть родство души!
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остынувшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ.
Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ.—
Добро-бъ, еще морочить свѣтъ...
Да, и при томъ, что пользы вѣрить
Тому, чего ужъ больше нѣтъ.
Безумно ждать любви заочной?..
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ.
Но я васъ помню—да и точно
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ;
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ;
Потомъ въ раскаяньи безплодномъ
Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію... но васъ
Забыть мнѣ было невозможно!
И къ мысли этой я привыкъ;
Мой крестъ несу я безъ роптанья;
То иль другое наказанье—
Не все-ль одно? Я жизнь постигъ:

Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все равно я благодаренъ,
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу!..
Быть можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ
Простора нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы головѣ...
За то лежишь въ густой травѣ
И дремлешь подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ.
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ,
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга;
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали,
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ—разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію, къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били
Какъ доставалося и намъ...
И вижу я, неподалеку,

У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирно́й татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ.
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые,
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.
Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ!..
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала:
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота,—
Вотъ проскакалъ одинъ, другой...
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
«Что? Вьючить?»—«Что же капитанъ?»
«Повозки выдвигайте,—живо!»
«Савельичъ!..»—«Ой-ли?»—«Дай огниво!»
Подъемъ ударилъ барабанъ;
Гудитъ музыка полковая;
Между колоннами въѣзжая,
Звенятъ орудья; генералъ
Впередъ со свитой поскакалъ;
Разсыпались въ широкомъ полѣ
Какъ пчелы съ гикомъ казаки;
Ужъ показалися значки
Тамъ, на опушкѣ—два и болѣ;
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ
Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,

Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ,
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважной?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?..
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ..:
«Ей вы, станичники, за нимъ!..»
«Что? раненъ?»—Ничего, бездѣлка!—
И завязалась перестрѣлка.
Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало:
Прохладнымъ вечеромъ, бывало
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ;
За то видалъ я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ нѣтъ...
Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ,
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ,
И дымъ ихъ—то вился столбомъ,
То разстилался облаками,
И оживилися лѣса,

Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами...
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну—дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ,
Вотъ тащатъ за ноги людей
И кличутъ громко лѣкарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди-же
Все тихо... Тамъ между кустовъ,
Бѣжалъ потокъ... подходимъ ближе...
Пустили нѣсколько гранатъ,
Еще подвинулись... молчатъ!
Но вотъ, надъ бревнами завала,
Но вотъ, надъ бревнами завала,
Ружье какъ будто заблистало,
Потомъ мелькнули шапки двѣ —
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье!
Недолго длилося оно,
Но въ этомъ странномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно...
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами.
Что нужды? Здѣшніе полки
Народъ - испытанный... «Въ штыки!.
Дружнѣе!»—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди.
Всѣ офицеры впереди;
Верхомъ помчался на завалы

Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня.
Ура! и смолкло... «Вонъ кинжалы!...
Въ приклады!...» и пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри—молча, съ грудью грудь...
Ручей тѣлами запрудили:
Хотѣлъ воды я зачерпнуть —
И зной и битва утомили
Меня—но мутная волна
Была тепла, была красна...
На берегу подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ длинный рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣнахъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно, онъ шепталъ:
«Спасите братцы!.. Тащутъ въ горы!...
Постойте!.. Гдѣ же генералъ?..
Не слышу...» Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ

Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... потомъ
Его останки боевые
Покрыли бережно плащемъ
И понесли... Тоской томимый,
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я недвижимый.
Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу... Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
А тамъ вдали—грядой нестройной
Но вѣчно гордой и спокойной,
Тянулись горы, и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
Но бзпрестанно и напрасно
Одинъ, враждуетъ онъ... Зачѣмъ?
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу—онъ былъ
Кунакъ мой,—я его спросилъ:
— Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ –
А перевесть на вашъ языкъ

Такъ будетъ—рѣчка смерти; вѣрно,
Дано старинными людьми!»
— А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня?—«Тысячъ до семи».
— А много горцы потеряли?
«Какъ знать! Зачѣмъ вы не считали?»
— Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый! —
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...
Но я боюся вамъ наскучить.
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда нибудь видали,
Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ
И не видать!.. Иныхъ тревогъ
Довольно есть; въ самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?
Теперь прощайте!—Если васъ
Мой безъискуственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость —
Я буду счастливъ; а не такъ...
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ!

Бранная красавица.

Она чиста, она свѣтла
И убрана сребромъ и златомъ;
Она душѣ моей мила,
Она дружна со мной, какъ съ братомъ.
Она стыдится наготы,
Пока все дремлетъ въ сладкомъ мирѣ;—
Тогда царица красоты
Въ своей скрывается порфирѣ,
Свой острый взоръ, блестящій видъ
И станъ свой выгнутый таитъ.
Но лишь промчится вихорь брани —
Она является нагой,
Объята воина рукой,
И блещетъ, будто роковой
Огонь въ Юпитеровой длани.
Она къ сердцамъ находитъ путь,
И хоть лобзаетъ безъ желанья,
Но съ болью проникаютъ въ грудь
Ея жестокія лобзанья.
Когда нага,—она грозитъ,
Она блеститъ, она разитъ;
Но громъ военный утихаетъ—

И утомленная рука
Ее покровомъ облекаетъ,
И вотъ она—тиха, кротка,
И съ боку друга отдыхаетъ.

Разлука.

«Поле славы предо мною;
Отпусти меня, любовь!
Тамъ—за Нѣманомъ-рѣкою
Свищутъ пули, брызжетъ кровь;
Здѣсь не мѣсто быть солдату:
Тамъ и братья и враги;
Дѣва милая, къ возврату
Другу сердце сбереги!»
Дѣвы очи опустились
Къ обручальному кольцу,
И по блѣдному лицу
Вдругъ обильно покатились
Токи жгучихъ слезныхъ струй;
При словахъ: прости, мой милый!
Будто роза близъ могилы
Палъ прекрасной поцѣлуй.

Не тучи надъ міромъ грозу замышляютъ—
Сближаются мѣрно двѣ рати враговъ;
Не хладно, не сухо другъ друга встрѣчаютъ—
При первыхъ привѣтахъ и пламя и кровь.
Всѣмъ бѣшенствомъ смерти ядро боевое,
Врываясь въ колонну, рядъ валитъ на рядъ.

Вотъ прыснулъ картечный язвительный градъ,
Все ломитъ и рветъ онъ въ рѣдѣющемъ строѣ.
Все ближе и ближе враги межъ собой—
Исторглись изъ ружей свинцовыя брызги,
Пронзительно въ слухъ ударяютъ ихъ визги,
И строй навалился на вражескій строй
И роетъ штыками противниковъ груди,
Кровь хлещетъ волнами и падаютъ люди;
Сливаются стоны и ржанье и трескъ,
И мечется въ дымѣ порывистый блескъ.

Ужъ полночная крикунья
Дико крикнула сова;
Свѣтомъ звѣздъ и полнолунья
Свѣтитъ неба синева;
Посреди нѣмой равнины,
Погрузившись въ смертный хладъ,
Безобразныя руины
Человѣчества лежатъ
Чей здѣсь трупъ?—Чело разбито,
Исказилась красота,
Черной язвой грудь раскрыта,
Сжаты синія уста.
Пораженъ враждебной силой
Юный ратникъ палъ въ борьбѣ:
Не воротится твой милый,
Дѣва милая, къ тебѣ.

———————

Проѣзжая черезъ Ковно.

Ты ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой —
Россіи вѣрный часовой!

Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты супостата къ ней впустилъ
И цѣлость Русскаго народа
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли былое Нѣманъ. —
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ,—могучій южный демонъ?

И ты какъ нынѣ протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли.

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ все и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь одного онъ не видалъ!
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ Другой—стоялъ и ждалъ...

И мимо проходила рать,
Все грозно-боевыя лица.
И неизбѣжная десница
Клала на нихъ свою печать.

И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались
Струились молніей штыки
И барабаны заливались...

Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

*
*

Вотъ отъ моря и до моря
Нить желѣзная бѣжитъ,
Много славы, много горя
Эта нить порой вѣститъ

И за ней слѣдя глазами,
Путникъ видитъ, какъ порой
Птицы вѣщія садятся
Вдоль по нити вѣстовой.

Вотъ съ поляны воронъ черный
Прилетѣлъ и сѣлъ на ней,
Сѣлъ и каркнулъ, и крылами
Замахалъ онъ веселѣй.

И кричитъ онъ, и ликуетъ,
И крутится все надъ ней.
Ужъ не кровь ли воронъ чуетъ
Севастопольскихъ вѣстей?..

---

*
**

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы —
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Страшный годъ

Страшный годъ! Газетное витійство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убійства,
Вы въ конецъ измучили меня!

О любовь!—гдѣ всѣ твои усилья?
Разумъ!—гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пиръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ!

Этотъ годъ готовитъ и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны.
Въ мірѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
Нѣтъ любви, свободы, тишины!

Гдѣ вражда, гдѣ трусость роковая,
Мстящая—купаются въ крови,
Стонъ стоитъ надъ міромъ не смолкая;
Только ты, поэзія святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голосъ твой, увы, безсиленъ нынѣ!
Сгибнетъ онъ, ненужный никому
Какъ цвѣтокъ, потерянный въ пустынѣ,
Какъ звѣзда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь сомнѣнья роковыя!
Какъ придти могли вы на уста?
Вѣрю, есть еще сердца живыя,
Для кого поэзія свята.

Но гремѣлъ, когда они родились,
Тотъ же громъ, ручьями кровь лила:
Эти души кроткія смутились,
И, какъ птица въ бурю, притаились
Въ ожиданьи свѣта и тепла.

ГРАФЪ АРСЕНІЙ АРКАДЬЕВИЧЪ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

**
*

Мы шли дорогою. Поля по сторонамъ,
Осеннія поля, печальныя, пустыя,
Дремали въ сумракѣ, и тѣни голубыя
Съ небесъ полуночныхъ слетали тихо къ намъ.
Безмолвствовалъ весь міръ въ отрадѣ чудной
ночи,
Лишь неба звѣзднаго внимательныя очи
Уставились на насъ, какъ будто говоря:
«Покоя часъ насталъ, угаснула заря,
Умолкъ вседневный шумъ, утихнули тревоги;
Сверните, странники усталые, съ дороги;
Природу мирную объемлетъ мирный сонъ,—
Пусть въ мракѣ и ночи и васъ объемлетъ онъ!»
Но мы не слушали, что звѣзды намъ шептали;
Въ насъ страсти дикія побѣдно бушевали,
И въ злобный, шумный міръ, на праздникъ
суеты,
Неслись мятежныя, безумныя мечты!
Намъ слышался вдали зловѣщій шумъ сра-
женья
И кликовъ яростныхъ, и стоновъ грозный хоръ.

Немолчный громъ и трескъ орудіи разрушенья,
Мечей бряцаніе и пушекъ разговоръ.
Какихъ-то тяжкихъ волнъ намъ плески до-
носились —
То кровь людей текла широкою рѣкой...
Туда, на этотъ плескъ и стоны мы стремились.
Насъ прелестью убійствъ дразнилъ далекій
бой!
Хотѣлось драться намъ—и мы кричали смѣло·
«Въ отмщеніе небесъ поруганныхъ—впередъ!»
А небо ясное безоблачно синѣло;
Въ немъ заводился звѣздъ обычный хороводъ
И ночь тиха была, и мѣсяцъ, безпрестанно
На праведеныхъ и злыхъ взирая съ высоты.—
«Не полно-ль убивать другъ друга вамъ на
прасно?»
Шепталъ съ улыбкою добра и красоты.

Шествіе войны.

Она идетъ съ нахмуреннымъ челомъ,
Съ сверкающимъ, налитымъ кровью взоромъ,
Съ высоко поднятымъ въ рукѣ мечомъ,
Съ безсмысленнымъ кровавымъ приговоромъ.

И въ страшный часъ—затишья предъ грозой.
Когда въ сердцахъ рождаются молитвы,
Когда еще надъ трепетной землей
Не грянулъ громъ надвинувшейся битвы,

Какъ въ оны дни зачинщикъ-великанъ,
Она кричитъ, оружьемъ потрясая:

«Что взяли вы, мечтатели всѣхъ странъ,
«Вы, предвозвѣстники земного рая?

«Вы, свѣтлыхъ грезъ безумные творцы,
«Откинувшіе бранныя одежды,
«Любви и братства жалкіе пѣвцы —
«Что взяли вы? Гдѣ ваши всѣ надежды?

«Я поднялась—и вотъ опять кругомъ
«Угрозы, брань и крики раздаются;
«Мгновеніе—и грянетъ битвы громъ,
«И рѣки крови по землѣ прольются».

Она идетъ—и смерть за ней во слѣдъ,
Безглазная и жадная несется,
Приплясываетъ съ радости, смѣется
И хищниковъ сзываетъ на обѣдъ.

И стаями отвсюду мчатся враны,
Не внемля миру свѣтлому весны,
Въ далекій путь, на полдень, за Балканы,
На жирный пиръ и празднество войны.

Мольба.

Убійства жаждой не объятый,
Я бранныхъ пѣсенъ не пою,
И душу мирную мою
Не тѣшатъ ярыхъ битвъ раскаты.
Я нѣмъ и глухъ къ громамъ войны
Но вопли жертвъ мой духъ терзаютъ;

Они побѣдно заглушаютъ
Веселье, шумъ и плескъ весны.
Несутся прочь мечты, желанья,
Блѣднѣетъ образъ красоты,
И я рыдаю пѣснь страданья
Окровавленной нищеты!
Мнѣ чудятся проклятья, стоны,
Зубовный скрежетъ, смерти дрожь...
Богачъ!—давай свои милльоны!
Бѣднякъ!—неси послѣднiй грошъ!
А нѣтъ гроша?—хватай рубаху,
Одежды дѣтокъ и жены;
Все, все, что есть, кидай на плаху
Все пожирающей войны!
Не содрогайся передъ кровью,
Омой ты раны на тѣлахъ
Бойцовъ, поверженныхъ во прахъ,
И поднятыхъ твоей любовью.
И счастливъ будь, когда хоть разъ
Страдалецъ—жертва злобы дикой —
Тебя въ душѣ своей великой
Благословитъ въ послѣднiй часъ.

Орлы.

Ихъ горсть—и вотъ взметаетъ Сулейманъ
Свои на нихъ несмѣтныя дружины.
Призывъ къ борьбѣ подъемлетъ вражiй станъ;
Аллахъ, Аллахъ!—и лѣзутъ на вершины.
Они жъ стоятъ безтрепетнѣй скалы
И гордо ждутъ кровавой, страшной встрѣчи,

Подъ градомъ пуль, и ядеръ, и картечи —
Они стоятъ—балканскіе орлы!
Грохочутъ дни, огнемъ пылаютъ ночи,
Безъ устали борьба кипитъ кругомъ;
Но не сломить врагамъ ихъ дивной мочи,
Не овладѣть грозящимъ ихъ гнѣздомъ!
Взглядъ каждый ихъ, какъ молоній сверканье,
Гласитъ врагамъ: идите—не страшусь!
Предъ ними смерть, и гибель, и стенанье,
Надъ ними—Богъ, а позади—вся Русь!
Вся Русь имъ шлетъ свои благословенья,
Всѣ взоры слезъ и радости полны,
Полны надеждъ, любви и удивленья,
На подвигъ ихъ святой обращены.
И врагъ бѣжитъ, громами ихъ гонимый,
Они жъ стоятъ средь ужаса и мглы,
Какъ выси горъ, тверды, непобѣдимы,
Безсмертные балканскіе орлы!

Родная.

Покинувъ родину и домъ, она пошла
Туда, куда текли всѣ русскія дружины.
Подъ ветхимъ рубищемъ въ душѣ она несла
Безцѣнный кладъ любви, участья и кручины.
Тяжелъ былъ дальній путь, и зной ее палилъ,
И вѣтеръ дулъ въ лицо, и въ полѣ дождь мочилъ;
Она жъ все шла да шла, съ мольбой усердной Богу,
И къ подвигамъ нашла желанную дорогу.

Ужъ скрылся позади рубежъ земли родной.
Чу! слышенъ битвы громъ, холмовъ дымятся
склоны;
Восторгъ отчаянной и дикой обороны
Съ редутовъ Гривницы и Плевны роковой
На русскіе полки огнемъ и смертью дышетъ;
Но чуткая любовь не грохотъ въ битвѣ слы-
шитъ,
Не ей твердыни брать, не ей смирять враговъ.
Мужичкѣ-странницѣ иные внятны звуки,
Иной съ побоищъ къ ней несется громкій
зовъ —
Томящей жажды кликъ и вопли смертной
муки.
И вотъ она въ огнѣ: визжитъ надъ ней картечь
Рои летаютъ пуль, гранаты съ трескомъ
рвутся,
Увѣчья, раны, смерть! Но ей ли жизнь беречь?
Кругомъ мольбы и стонъ — и рѣки крови
льются!
Страдальцевъ изъ огня, изъ схватки боевой
Она уноситъ прочь, полна чудесной силы,
И жаждущихъ поитъ студеною водой,
И роетъ мертвецамъ съ молитвою могилы.
Какъ звать ее? Богъ вѣстъ, да и не все ль
равно?
Лучъ славы надъ ея не блещетъ головою,
Одно ей прозвище негромкое дано:
Герои русскіе зовутъ ее «родною»

Плевна

I.

Въ ожиданіи

Какимъ-то медленнымъ огнемъ
Душа усталая томима.
За часомъ часъ и день за днемъ,
Не торопясь, проходятъ мимо.
Ненастье, желтые листы,
Осенней вьюги завыванье,
Въ умѣ недвижныя мечты,
Въ груди невольное страданье!
Примчится вѣсть издалека,
Кругомъ запахнетъ кровью братской.
И вновь безмолвіе, тоска,
Покой—ужаснѣй муки адской!
И вновь надежды и мечты,
Желанной вѣсти ожиданье,
Осенней вьюги завыванье,
И дождь, и желтые листы!...
Прочь, духъ сомнѣній ядовитый!
Пусть мракъ сдвигается кругомъ,
Пусть льется дождь на насъ сердитый,
Пусть буря стонетъ—переждемъ!
Не одолѣетъ насъ невзгода.
Стряслась бѣда—снесемъ бѣду!
Сыны великаго народа,
Мы въ нашу вѣруемъ звѣзду.

И проклятъ будь, чей духъ смутится,
Чей въ страхѣ поблѣднѣетъ ликъ,
Кто малодушно усомнится
И дрогнетъ хоть единый мигъ.

II.

Послѣ побѣды.

Побѣда! На душѣ какъ будто легче стало.
Ужъ «завтра» не грозитъ стыдомъ или бѣдой,
Что жъ медлимъ сбросить мы печали покрывало
И въ шумной радости затѣять пиръ горой?

Побѣда! Какъ давно и жадно этой вѣсти
Мы ждали! День насталъ; что жъ сердце не кипитъ
Ни страстнымъ торжествомъ, ни упоеньемъ мести?
Какая тягота еще его томитъ?

Иль намъ не вѣрится? Иль жалко намъ чего-то?
Иль душу возмутилъ войны кровавый слѣдъ?
Иль обуяла насъ безвременно дремота?
Иль славы ждемъ иной, иныхъ хотимъ побѣдъ?

Кто скажетъ? Кто рѣшитъ—то мудрость иль безумье?
Грядущее для насъ свѣтло или темно?
Народа русскаго глубокое раздумье,
Какъ моря тишину, постигнуть мудрено.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ.

Севастопольское братское кладбище.

Какой тутъ дышетъ миръ! Какая славы
тризна!
Средь кипарисовъ, митръ и каменныхъ гробовъ
Рукою набожной сложила здѣсь отчизна
Священный прахъ своихъ сыновъ.

Они и подъ землей отвагой прежней дышатъ/
Боюсь, мои стопы покой ихъ возмутятъ,
И, мнится, всѣ они шаги живого слышатъ,
Но лишь молитвенно молчатъ.

Счастливцы, высшею пылали вы любовью:
Тутъ, что ни мавзолей, ни надпись,—все боецъ;
И рядомъ улеглись, своей залиты кровью,
И дѣдъ со внукомъ, и отецъ.

Изъ каменныхъ гробовъ ихъ голосъ вѣчно
слышенъ:
Имъ внуковъ поучать навѣки суждено.
Ихъ слава такъ чиста, ихъ жребій такъ воз-
вышенъ,
Что имъ завидовать грѣшно.

Цавелиха.

Съ горъ Али-паша на Сули
Въ нетерпѣньи взоры мечетъ,
А надъ нимъ порхаетъ птичка,
И кружится, и щебечетъ:

«Видно» это не Янина,
Гдѣ шумятъ твои фонтаны;
Не Превеза, гдѣ ты ставишь
Для своихъ Албанцевъ станы.

«Это Сули, городъ славный!
Нѣтъ ей равнаго на свѣтѣ!
Здѣсь въ рядахъ мужей воюютъ
Жены, дѣвицы и дѣти!

«И съ ружьемъ въ рукѣ выводитъ
Всѣхъ Цавелиха ихъ въ поле —
На плечахъ съ груднымъ младенцомъ
И съ патронами въ подолѣ!»

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОЛОНСКІЙ.

Туда!

Kennst du das Land...
Гете...

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ высятся Балканы,
Гнѣздо грабителей, орлятъ и Божьихъ грозъ,
Гдѣ солнца зной гноитъ зіяющія раны,
И трупный запахъ слитъ съ благоуханьемъ
розъ?
Туда, туда, о, милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!...

Ты знаешь ли тѣхъ странъ поля и вертограды,
Откуда, какъ изъ тучъ, свинецъ шумитъ
дождемъ:
Гдѣ криковъ не слыхать подъ бурей канонады,
Гдѣ рабъ свободы ждетъ, и льется кровь
ручьемъ?
Туда, туда, о, милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!..

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ страшное стра-
данье

Встрѣчаетъ стономъ нашъ привычный къ
лести слухъ.
Гдѣ женщина въ трудѣ найдетъ свое при-
знанье
И закалитъ въ борьбѣ изнѣженный свой
духъ? —
Въ тотъ страшный край, о, милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!..

К. Р.

Полкъ.

Нашъ полкъ! Завѣтное, чарующее слово
Для тѣхъ, кто смолоду и всей душой въ строю.
Другимъ оно старó, для насъ—все такъ же ново
И знаменуетъ намъ и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою вѣнчанное въ бою!
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Всѣ блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полкъ учитъ насъ терпѣть безропотно лишенья
И жертвовать собой въ пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долгъ,

Лихая удаль, честь, любовь къ отчизнѣ славной,
Къ великому Царю и вѣрѣ православной
Въ единомъ словѣ томъ сливается: нашъ полкъ!

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ БАЛЬМОНТЪ.

Крикъ часового.

Сонетъ.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры —
Въ предѣлахъ думъ. Снуетъ ихъ череда.

Сады, пещеры, замки изо льда;
Забытыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, погибшихъ навсегда, —
Солдаты спятъ, какъ нищіе, какъ воры.

На завтра бой. Поспѣшенъ бѣгъ минутъ
Всѣ спятъ. Все спитъ. И пусть. Я—вѣрный тутъ.
До завтра сномъ безпечно усладитесь.

Но чу! Во тьмѣ—чуть слышные шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

Война.

I.

Исторія людей —
Исторія войны,
Разнузданность страстей
Въ театрѣ Сатаны.

Страна тѣснитъ страну,
И взглядъ встрѣчаетъ взглядъ.
За краткую весну
Несчетный рядъ расплатъ.

У бѣшенства мечты
И бѣшеный языкъ,
Личина доброты
Спадаетъ въ быстрый мигъ.

Что правдою зовутъ,
Мучительная ложь.
Смѣются ль—тутъ какъ тутъ
За пазухою ножъ.

И снова льется кровь
Изъ темной глубины.
И вотъ мы вновь, мы вновь —
Актеры Сатаны.

II.

Боже мой, о Боже мой, за что мои страданья?
Нѣженъ я, и кротокъ я, а страшный міръ
жестокъ.
Явственно я чувствую весь ужасъ трепетанья
Тысячъ рукъ оторванныхъ, разбитыхъ рукъ
и ногъ.

Рвущіяся въ воздухѣ безумныя гранаты,
Бывшій человѣческимъ и ставшій звѣрскимъ
взглядъ,
Звуковъ сумасшествія тяжелые раскаты,
Гимнъ свинца и пороха, напѣвы пуль звенятъ.

Сонмы пчелъ убійственныхъ, что жалятъ въ
самомъ дѣлѣ
И готовятъ Дьяволу не желтый, красный медъ,
Соты динамитные, летучія шрапнели,
Помыслы лиддитные, свирѣпый пулеметъ.

А далеко, въ Городѣ, гдѣ воръ готовитъ смѣты,
Люди крѣпковыйные смѣются, пьютъ, ѣдятъ.
Слышится: «Что новаго?» Слегка шуршатъ
газеты.
«Вы сегодня въ Оперѣ?»—«Въ партерѣ, пя-
тый рядъ».

Широко замыслены безмѣрныя мученья,
Водопадъ обрушился, и Хаосъ—властелинъ,
Все мое потоплено, кипитъ, гудитъ теченье, —
Я, цвѣты сбирающій, что жъ сдѣлаю одинъ?

Война, не вражда.

Мнѣ странно подумать, что трезвые люди
Способны затѣять войну.
Я весь—въ созерцательномъ радостномъ чудѣ
У ласковой мысли въ плѣну.

Мнѣ странно подумать, что люди враждуютъ,
Я каждому радъ уступить.
Мечты мнѣ смѣются, любовно колдуютъ,
И ткутъ золотистую нить.

Настолько исполненъ я ихъ ароматомъ,
Настолько чужда мнѣ вражда,
Что, если бъ въ сраженіи былъ я солдатомъ,
Спокойно бъ стрѣлялъ я тогда.

Стрѣлялъ бы я мѣтко, изъ честности бранной,
Но вѣрилъ бы въ жизнь глубоко.
Безъ гнѣва, безъ страха, безъ злобы обманной,
Убилъ бы и умеръ легко.

И зналъ бы, убивши, легко умирая,
Что все же мы братья сейчасъ.
Что это ошибка, ошибка чужая
На мигъ затуманила насъ.

На полѣ Куликовомъ.

I.

Рѣка раскинулась. Течетъ, грустить лѣниво
И моетъ берега.
Надъ скудной глиной желтаго обрыва
Въ степи грустятъ стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Намъ ясенъ долгій путь!
Нашъ путь—стрѣлой татарской древней воли
Пронзилъ намъ грудь.

Нашъ путь степной, нашъ путь—въ тоскѣ безбрежной,
Въ твоей тоскѣ, о Русь!
И даже мглы ночной и зарубежной
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озаримъ кострами
Степную даль.

Въ степномъ дыму блеснетъ святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вѣчный бой! Покой намъ только снится.
Сквозь кровь и пыль
Летитъ, летитъ степная кобылица
И мнетъ ковыль...

И нѣтъ конца! Мелькаютъ версты, кручи...
Останови!
Идутъ, идутъ испуганныя тучи,
Закатъ въ крови!

Закатъ въ крови! Изъ сердца кровь струится!
Плачь сердце, плачь:
Покоя нѣтъ! Степная кобылица
Несется вскачь!

II.

Мы, самъ другъ, надъ степью въ полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назадъ.
За Непрядвой лебеди кричали
И опять, опять они кричатъ...

На пути—горючій бѣлый камень.
За рѣкой—поганая орда.
Свѣтлый стягъ надъ нашими полками
Не взыграетъ больше никогда.

И къ землѣ склонившись головою
Говоритъ мнѣ другъ:—Остри свой мечъ,
Чтобъ не даромъ биться съ татарвою,
За святое дѣло мертвымъ лечь!

Я не первый воинъ, не послѣдній —
Долго будетъ родина больна.
Помяни жъ за раннею обѣдней
Мила друга, свѣтлая жена!

3.

Въ ночь, когда Мамай залегъ съ Ордою
Степи и мосты,
Въ темномъ полѣ были мы съ Тобою —
Развѣ знала Ты?

Передъ Дономъ темнымъ и зловѣщимъ,
Средь ночныхъ полей
Слышалъ я твой голосъ сердцемъ вѣщимъ
Въ крикахъ лебедей.

Съ полуночи тучей возносилась
Княжеская рать
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И чертя круги, ночныя птицы
Рѣяли вдали.
А надъ Русью тихія зарницы
Князя стерегли.

Орлій клекотъ надъ татарскимъ станомъ
Угрожалъ бѣдой.
А Непрядва убралась туманомъ
Что княжна фатой.

И съ туманомъ надъ Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла въ одеждѣ, свѣтъ струящей,
Не спугнувъ коня.

Серебромъ волны блеснула другу
На стальномъ мечѣ,
Освѣжила пыльную кольчугу
На моемъ плечѣ.

И когда на утро тучей черной
Двинулась орда,
Былъ въ щитѣ Твой ликъ нерукотворный
Свѣтелъ навсегда.

4.

Опять съ вѣковою тоскою
Пригнулись къ землѣ ковыли.
Опять за туманной рѣкою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали безъ вѣсти
Степныхъ кобылицъ табуны,
Развязаны дикія страсти
Подъ игомъ ущербной луны.

И я съ вѣковою тоскою,
Какъ волкъ подъ ущербной луной,
Не знаю, что дѣлать съ собою,
Куда мнѣ летѣть за тобой!

Я слушаю рокоты сѣчи
И трубные клики татаръ,
Я вижу надъ Русью далече
Широкій и тихій пожаръ.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на бѣломъ конѣ.
Встрѣчаются вольныя тучи
Во мглистой ночной вышинѣ.

Вздымаются свѣтлыя мысли
Въ растерзаномъ сердцѣ моемъ
И падаютъ свѣтлыя мысли,
Сожженныя темнымъ огнемъ...

— Явись, мое дивное диво!
Быть свѣтлымъ меня научи!
Вздымается конская грива...
За вѣтромъ взываютъ мечи...

5.

Опять надъ полемъ Куликовымъ
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облакомъ суровымъ,
Грядущій день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой

Но узнаю тебя, начало
Высокихъ и мятежныхъ дней!
Надъ вражьимъ станомъ, какъ бывало,
И плескъ, и трубы лебедей.

Не можетъ сердце жить покоемъ,
Не даромъ тучи собрались.
Доспѣхъ тяжелъ, какъ передъ боемъ.
Твой часъ насталъ. Теперь—молись!

Война.

На камняхъ скалъ, подъ ропотъ бора,
Предвѣчной силой рождена,
Ты—дочь губящаго Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И въ кругъ звѣрей, во мглу пещеры
Тебя швырнула въ гнѣвѣ мать,
И съ дѣтства ты къ сосцамъ пантеры
Привыкла жадно припадать.

Ты мощью въ мать, хотя суровѣй,
По сердцу ты близка съ отцомъ,
И не людскую жажду крови
Всосала вмѣстѣ съ молокомъ.

Какъ высшій судія, всевластно
Проходишь ты тропой вѣковъ,
И кровь блеститъ полоской красной
На жемчугахъ твоихъ зубовъ.

Ты золотую чашу «право»,
Отцовскій даръ, бросаешь въ міръ,

Чтобъ усладить струей кровавой
Подъ гулы битвъ, свой страшный пиръ.

И за тобой дружиной вѣрной
Спѣша, съ знаменами въ рукахъ,
Всѣ повторяютъ крикъ пантерный,
Тобой подслушанный въ лѣсахъ.

1904.

Пѣсня.

(Солдатская).

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что ль?
Шапками ихъ закидаемъ!
Воевать хотятъ?—Изволь!

Колотили мы и шведа
Подъ Полтавой въ дни Петра.
Или внуки хуже дѣда?
Или та прошла пора?

Фридрихъ нѣмецъ куралесилъ,
Къ намъ совался, вражій сынъ.
Мы ему посбили спеси,
Хвать—и заняли Берлинъ.

Бонапарте велъ французовъ,
Жегъ Москву, а вотъ поди жъ!
Заморилъ ихъ всѣхъ Кутузовъ,
Да и мы пришли въ Парижъ.

Подступали англичане
И на Крымѣ обожглись.
Севастопольскія брани
Въ мірѣ громомъ отдались.

Ну, а что до этихъ турокъ,
Это намъ бывалый врагъ.
Жаль султанъ ихъ очень юрокъ, —
Не добьешь его никакъ.

Итальянцевъ нашъ Суворовъ
Артикуламъ обучалъ;
И смирилъ полякъ свой норовъ
Въ дни, когда забунтовалъ.

Мы взбѣжали на Памиры,
Съ нихъ не двинемся назадъ.
Императорской порфиры
Край упалъ на Араратъ.

Отъ Индѣи до Карпатовъ
Рѣки, горы и моря
Нашихъ видѣли солдатовъ,
Силы бѣлаго Царя.

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что-ль?
Шапками ихъ закидаемъ.
Воевать хотятъ?—Изволь!

Послѣдняя война.

Свершилось. Рокъ рукой суровой
Приподнялъ завѣсу временъ.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Покрывъ столицу и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война.

И все, о чемъ съ безплоднымъ жаромъ
Пугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣсненныхъ
Не голосъ ли надеждъ возникъ?
Призывъ племенъ порабощенныхъ
Врывается въ военный крикъ.

Подъ топотъ армій, громъ орудій,
Подъ ньюпоровъ гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ.

Такъ! слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Валтассаровъ пиръ!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ міръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строеніе шаткое вѣковъ;—
Въ невѣрномъ озареньи славы
Грядущій міръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы;—
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

Наши дни

Не брошены ль въ былое всѣ мы
Иль въ твой волшебный міръ, Уэллсъ?
Не блещутъ ли мечи и шлемы
Надъ стрѣлами звенящихъ рельсъ?

Какъ будто рыцарскія тѣни,
Въ лучахъ прожекторовъ, опять
Летятъ на буйный пиръ сраженій
Торжествовать и умирать!

Смотря въ загадочныя дали,
Мы смѣло ждемъ безмѣрныхъ дѣлъ
Вновь подвиговъ при Ронсевалѣ,
Твоихъ ударовъ, Карлъ Мартеллъ.

А мѣрно съ Эйфелевой башни
Летитъ неслышимая рѣчь,

Чтобъ все, что вѣдалъ день вчерашній,
Для будущихъ временъ сберечь.

Ротаціонныя машины
Стучатъ какъ ночью, такъ и днемъ,
Чтобъ мигъ не минулъ ни единый,
Газетнымъ позабытъ столбцомъ.

И сквозь налетъ ночныхъ тумановъ,
Какъ призраки иныхъ вѣковъ,
Горятъ глаза аэроплановъ
Надъ свѣтомъ вражескихъ костровъ.

ПОЛИКСЕНА СЕРГѢЕВНА СОЛОВЬЕВА.

Воинъ.

Пріемля нездѣшнюю, тайную волю,
Я долженъ смиренно свой подвигъ свершить:
Смертельнымъ желѣзомъ по бранному полю
Я посланъ кровавую борозду взрыть.

Свой домъ, и друзей, и семью забывая,
Иду. Съ каждымъ шагомъ рѣдѣетъ нашъ рядъ,
А пули визжатъ и жужжатъ, завывая...
Впередъ, все впередъ! Нѣтъ дороги назадъ.

Все то, чѣмъ я жилъ и дышалъ наканунѣ,
Отходитъ далекимъ, несбыточнымъ сномъ,
И мысль, расплавляясь въ кровавомъ бурунѣ,
Встаетъ неподвижно желѣзнымъ крестомъ.

А сердце, сгорая, любя, негодуя,
Свѣтъ вѣчный провидитъ въ кромѣшномъ аду:
Для мира грядущаго въ битву иду я,
Для жизни грядущей на смерть я иду.

БОРИСЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ САДОВСКОЙ.

Памяти А. В. Самсонова

Орлинымъ взоромъ ты слѣдилъ
За нападеньемъ и борьбою,
А вражій самолетъ ходилъ
Чуть видной точкой подъ тобою.

Коварнымъ знакомъ съ высоты
Онъ пушкамъ указалъ героя,
И мертвымъ палъ, Самсоновъ ты
Среди разрушеннаго строя.

Пробушевалъ свинцовый градъ
И мертвымъ палъ ты подъ шрапнелью,—
Крестясь покрылъ тебя солдатъ
Своею сѣрою шинелью

И, тихимъ пламенемъ горя,
Надъ мѣстомъ гибели нежданной
Зардѣла вѣщая заря
Безсмертной славы, славы бранной.

СОДЕРЖАНІЕ.

Универсальная библіотека. Цѣна номера 10 коп.

800-801. **Ибсенъ.** Перъ Гюнтъ.
802-805. **Флоберъ.** Саламбо.
806. **Лондонъ.** Любовь къ жизни.
807-809. **Майнъ-Ридъ.** Ползуны по скаламъ
810-811. **Мопассанъ.** Сказки дня и ночи
812. **Лондонъ.** Мужская вѣрность.
813-815. **Г. Бангъ.** Михаэль.
816. **Лондонъ.** Когда боги смѣются.
817-818. **Киплингъ.** Смѣлые моряки.
819. **Уйда.** Степь.
820-821. **А. Франсъ.** Подъ придорожнымъ вязомъ.
822. **Лондонъ.** Сила женщины.
823-824. **Шатобріанъ.** Атала. Рене.
825. **Лондонъ.** Послѣдняя борьба.
826-828. **Мопассанъ.** Наше сердце.
829. **Уэллсъ.** Страна слѣпыхъ.
830. **Янъ Порукъ.** Бѣлая одежда.
831-833. **Р. Киплингъ.** Свѣтъ погасъ.
834. **Мольеръ.** Мнимый больной.
835-836. **Франсъ.** Ивовый манекенъ.
837. **Г. Андерсенъ.** Ледяница.
838-839. **Михаэлисъ.** Книга о любви.
840-843. **Лондонъ.** Морской волкъ.
844. **Уайльдъ.** Преступленіе лорда Артура Сэвиля и др.
845-848. **Ирасекъ.** Псоглавцы.
849. **Бирбаумъ.** Странныя исторіи.
850-855. **Лондонъ.** Мартинъ Идэнъ.
856. **Стриндбергъ.** Дѣтская сказка.
857-858. **Мопассанъ.** Разсказы бекаса.
859. **Кн. А. Церетели.** Баши-Ачукъ.
860-862. **Сроковскій.** Анахронисты.
863. **Сюлли-Прюдомъ.** Избранныя стихотворенія.
864-866. **Жюль Вернъ.** Вокругъ луны.
867. **Макушинскій.** Мефистофель.
868-870. **Франсъ.** Аметистовый перстень.
871-872. **Бернарденъ де Сенъ Пьеръ.** Поль и Виргинія.
873. **Гейне.** Флорентійскія ночи.
874-877. **Аннунціо.** Невинный.
878. **Мопассанъ.** Мадмуазель Фифи.
879-882. **Жюль-Вернъ.** Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней.
883. **Гофманъ.** Нездѣшнее дитя.
884-886. **Уэллсъ.** Первые люди на лунѣ
887. **Бирбаумъ.** Студенты.
888-890. **Золя.** Тереза Ракэнъ
891. **Мопассанъ.** Маррока.
892-894. **Реймонтъ.** Вампиръ
895. **Лондонъ.** Путь ложныхъ солнцъ.
896-897. **Ожешко.** Гекуба.
898. **Л. Франье.** Школьница.
899-900. **Лондонъ.** Зовъ предковъ. Ублюдокъ. Тысяча дюжинъ.
901. **Сервантесъ.** Ринконетъ и Кортадильо. Лисенсіатъ стеклян.
902-904. **Франсъ.** Господинъ Бержере въ Парижѣ.
905. **Шиллеръ.** Коварство и любовь.
906-907. **Абрамовичъ.** Фишка хромой.
908. **Тома.** Тетя Фрида.
909. **Мольеръ.** Донъ-Жуанъ.
910-912. **Лондонъ.** Бѣлый клыкъ.
913. **Лондонъ.** Страшные Соломоновы острова
914. **Мопассанъ.** Семья и др.
915-916. **Сербскій сборникъ.**
917. **Тома.** Разсказы проказника.
918. **Ранси.** Разсказы совы.
919. **Вазовъ.** Сосѣди.
920-921. **Лагерлефъ.** Возница смерти.
922. **Бальзакъ.** Прощаніе.
923-924. **Зангвилль.** Мечтатели гетто.
925. **Альмквистъ.** Мельница въ Шельнурѣ
926-927. **Мопассанъ.** Съ лѣвой руки.
928. **Лондонъ.** Великое чудо.
929-831. **Реймонтъ.** Мечтатель.
932. **Лондонъ.** Потомокъ Макъ-Коя.
933-935. **Беннетъ.** Святая любовь.
936-938. **Гамсунъ.** Послѣдняя отрада.
939. **Лондонъ.** Красавица Ли-Ванъ.
940-941. **Лондонъ.** Дѣти снѣговъ.
942. **Мопассанъ.** Сестры Рондоли.
943-944. **Ванъ-Эйденъ.** Маленькій Іоганнесъ.
945. **Франсъ.** Сказка о сорочкѣ
946-947. **Лондонъ.** До Адама.
948. **Мопассанъ.** Встрѣча и др.
949. **Мопассанъ.** Возвращеніе и др.
950-952. **Приключенія Мюнхгаузена.**
953. **Серао.** Маленькія души.
954-956. **Лондонъ.** Сынъ солнца.
957-8. **Карамзинъ.** Избранныя стихотворенія и разсужденія.
959. **Лермонтовъ.** Маскарадъ.
960. **Война въ русской лирикѣ.** Состав. В. Ходасевичъ.

Типо-Лит. И. Ефимова, преемн. И. С. Ефимовъ, Больш. Якиманка, соб. д

